

ИСКУССТВО ВЫСОКОЕ, АКАДЕМИЧЕСКОЕ

Для открытия своих ленинградских выступлений наш славный гость — Большой театр Союза ССР избрал «Бориса Годунова». Знаменательное событие! В зале Театра оперы и балета имени С. М. Кирова, где нынче прозвучат гастролы, его лет назад впервые прозвучало гениальное творение Пушкина и Мусоргского. Какие предопы, чинимые дирекцией императорских театров, довели до преодоления замечательной оперы на ее пути к слушателям, сколько несправедливых упреков тогда посыпалось на нее, скольких мучительных усилий, надломивших душевное здоровье нежного композитора, стоила борьба за «Бориса»!

Но прошло время, и высокая художественная правда, заключенная в гениальной народной музыкальной драме, покорила мир. Опера ставится на сценах разных стран. В Театре имени С. М. Кирова она идет в своей первоначальной авторской версии. Москвичи же привезли оперу Мусоргского в широко известной редакции и инструментовке его друга Римского-Корсакова. Именная постановка осуществлена около 30 лет назад режиссером Леонидом Баратынским, дирижером Николаем Головановым и художником Федором Федоровским, но впоследствии она подвергалась частным изменениям.

«Я разумею народ как великую личность, одушевленную единою идеею: это моя задача. Я попытаюсь разрешить ее в опере», — такие слова начертал Мусоргский на первой странице рукописи. Она послужила исходной позицией и для сценического решения оперы. Народ, исполненный могучих сил, рожденный для счастья, народ забитый, темный, страдающий, народ, грозно поднявшийся на бояр и царя, — таков он в спектакле. Не память приходят некресовские строки:

Ты и убогий,
Ты и обильный,
Ты и могучий,
Ты и бессильный,
Матушка-Русь!

Контрасты музыкальной драматургии находят отклик в контрастах живописного облика спектакля. С одной стороны — сумрачно-величавые громады Новодевичьего монастыря и Василия Блаженного, зловещее зарево Кремля, с другой — сверкающие великолепием кремлевские соборы и царские палаты, создающие таинливейшими мастерами из народа, но призрачные возмездием не его, народ, а недлинных царей.

Линия народа в опере круто идет вверх. Сначала под плетью пристава люди натугоно просят Бориса взойти на престол, и интонации внутренне-го безразличия, непонимания происходящего отчетливо переданы хором, как в поразительная реалистическая живость хоровых реплик: «Митюх, а Митюх, чейо орды?» — «Вон! Почем я знаю!»

По-иному звучит хор в сцене у Василия Блаженного. Народ, измученный голодом и преследованиями, рошется, а когда из собора появляется царь Борис, люди кидаются к

нему со слезной мольбой, переходящей в отчаянные крики: «Хлеба! Хлеба! Дай голодным». Замечательный хор Большого театра (хорейстеры А. Рыблов, И. Агафонников и С. Гусев) проносит мелодию с удивительным богатством оттенков — от тивальной просьбы до вопли. Отличная дикция хора, как и солистов, доносящих до слушателя каждое слово, заслуживает быть специально отмеченной.

Вершинки своей линией народа достигает в знаменитой сцене под Кромами. Связав боярина, крестьяне поют ему издевательское величание. Олицетворением разбушевавшейся народной мощи становится хор «Расходилась, разгулялась сила-удаль молодцовская», исполненный с подлинно богатырскими размахом.

Но вновь народ введен в заблуждение, он устремляется за Лжедмитрием, считая, что это — «настоящий» царь, что при нем будет лучше. На лесной поляне остается лишь Юродивый (в этой небольшой, но драматургически очень значительной роли убедителен артист Д. Королев). С тоской произносит он речные слова о грядущих испытаниях для народа...

С линией народа тесно переплетена линия судьбы царя Бориса. Четверть века выступает в этой роли на сцене Большого театра Александр Огнянец. Вслед за Пушкиным и Мусоргским он изображает Бориса умным политиком, заботливым отцом, правителем, который мечтает о благе народа, но встречает недоверие и ненависть бедного люда и хитрых бояр, предводительствуемых Шуйским (роль Шуйского сценически и вокально выразительно проводит А. Соколов). Народ убежден, что Борис — убийца малолетнего царевича Дмитрия. В драматургическом конфликте оперы, по существу, выражена мысль о невозможности примирить интересы народа с царской властью.

С большой психологической силой раскрывает Огнянец мучения большой совести Бориса. Царя одолевают страшные видения, искусно инспирируемые Шуйским, на самое впечатляющее — как Борис — Огнянец борется с кошмарами, стремясь уйти от их власти. В исполнении артиста декламационное начало, пожалуй, преобладает над вокальным, в моменты высшего драматического подъема (конец монолога «Достиг я вышей власти», в сцене прощания с сыном и смерти Бориса) он достигает больших высот трагедийной выразительности.

Между Борисом и народом встает фигура Самозванца, который обрисован в опере как честолюбивый авантюрист. В скромном иноксе Чудова монастыря Григорий Отрепьев В. Алятов оттеняет отчаянную омерзительность, ползу выявляющуюся позже, в сцене у дворца самодержавного воеводы Минска. Кажется, что само звучание голоса Алятова на итальянский манер передает здесь безразлично прохладница Гришки к действительным судьбам Руси. В дуэте-поединке

между Самозванцем и Мариной Мнишкх блистательно выступила Е. Образцова. Красками своего исключительного по яркости голоса она вдохновенно рисует портрет вадменной шляхтянки. В интонациях Марины Образцова охотнее подчеркивает властность и силу, нежели хитрость и притворную вкрадчивость.

Удача спектакля — характеристически острое, колоритное воплощение образов беглых монахов Варлаама и Мисаила артистами Б. Морозовым и В. Владовым. Персонажи эти принимают к образам людей из народа: в них воплощены богатая одаренность, широта натуры — силы, не находящие, однако, себе применения и растрачиваемые попусту. Впечатляет сдержанностью внешнего рисунка при большой эмоциональной наполненности трактовка М. Решетникова роли Пимена, мудрого летописца, в типично михайловский манер — творческого нелицеприятный суд над деяниями Бориса.

В общий артистический ансамбль спектакля органично входят и интерпретаторы остальных ролей: Л. Ковалев и Г. Королев (дети Годунова — Ксения и Федор), Н. Григорьева (мать Ксения), Л. Нахичева (Шуйская), Ю. Мазурок (Шелкалов) и другие.

Спектакль идет под управлением главного дирижера Большого театра Юрия Симонова. Он уверенно и мастерски объединяет певчие хора и солистов со звучанием величественного оркестра. Стремится к внутренней гармонии моментов сумрачных и светлых, покоя и мощных драматических нарастающих. Симонов трактует трагедийную оперу Мусоргского как национальный эпос, с присущей последнему степенностью повествования, ощущением широкой исторической перспективы.

В разных сценических вариантах «Борис Годунов» оказывается по-разному: в одних театрах — сценой под Кромами, в других — сценой смерти Бориса. И в научной литературе, и в театральной практике вопрос, чем заканчивать оперу, продолжает дебатироваться. Сейчас Большой театр по традиции, утвержденной Шалляпиным, завершает представление сценой боярской думы. Пожалуй, все же иной порядок картин был бы убедительнее, не возмало бы соседство двух монументальных массовых сцен, а главное, неродная музыкальная драма завершалась бы последним проведением ведущей образной линии — судьбой народа.

Спектакль Большого театра, в котором бережно сохранены и развиты высокие академические традиции отечественной сцены, был горячо встречен ленинградцами. Свое двухсотлетие наша академия оперного искусства встретила в расцвете творческих сил.

Б. МИХАЙЛОВ